

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-115-124

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ РОК-МУЗЫКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Георгий Юрьевич Квятковский

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, kwiatkowski_geor@mail.ru, 0000-0003-3542-5626

Аннотация. Развитие научного знания о рок-музыке может быть рассмотрено как процесс непрерывной борьбы научных школ, остановившийся на стадии конструирования объекта исследования и выражающийся в непрестанных попытках представителей социальных и гуманитарных наук занять позицию коммуникативного лидерства при формировании дискурса о рок-музыке. Научные школы, изучающие рок-музыку, создали и бережно воспроизводят идеи, заменяющие познание рок-музыки языковыми играми, к которым относятся: постулаты о непреодолимой сложности процессов, происходящих в современном искусстве, о доминировании текстовой и идейной составляющей в синтетическом по своей природе произведении рок-музыки, гипотеза экзистенциальной природы и онтогносеологических оснований познания рок-музыки и т. д. На основании выявленных языковых игр сформулирован проблемный вопрос о ведущих научных школах изучения рок-музыки, их специфических социальных практиках и отношениях с другими школами. Ведущие подходы в изучении рок-музыки сформировали музыковедение, описывающее специфику художественно-выразительных средств, социологию, анализирующую специфические эффекты воздействия рок-музыки на массовое поведение, культурологию, рассматривающую специфическое культурное пространство, созданное сообществом деятелей рок-музыки, филологию, фиксирующую внимание на специфическом языке рок-поэзии. Исторически первой сформировалась позиция музыковедческая, а следующие три позиции представляют собой своего рода «повороты» в динамике социально-гуманитарного знания.

Материалами исследования являются тексты диссертационных работ и научных статей, посвящённых исследованию рок-музыки. Методом исследования является качественный анализ документов, в ходе применения которого внимание исследователя сосредоточено на использованных в нем процедурах конструирования объекта исследования и специфических практиках применения общенаучных и специфических научных методов к изучению рок-музыки.

В статье показано, что различия указанных четырёх подходов пролегают именно в области социальных практик исследования, в значительной степени обусловленных коммуникативным опытом и научной специализацией исследователя. Строгих демаркационных линий между сообществами, применяющими данные подходы, не обнаружено, что ставит вопрос о строгости используемых в исследовательской деятельности эпистемологических и логических процедур, а также заставляет усомниться в качестве рефлексии онтогносеологических, экзистенциальных и аксиологических оснований исследований рок-музыки.

Предположение о провокативном характере познания рок-музыки подкрепляется обнаружением множества отсутствующих элементов, необходимых для строгого научного познания. Практически ни в одном исследованном материале не было представлено содержательной дефиниции рок-музыки, а сам процесс дефиниции подменялся указаниями на противоположные феномены, интерпретации в широком контексте и интуитивными определениями, не содержащими указания на набор существенных признаков. Как следствие, рассмотренные научные сообщества не выдвигают научных теорий в строгом смысле этого слова, ограничиваясь фиксацией отдельных закономерностей, но не претендуют на системное рассмотрение объекта. Основной линией количественного умножения знаний о рок-музыке является поиск ответов на вопросы о соотношении рок-музыки и рок-культуры, об автономности рок-музыки по отношению к актуальной социокультурной ситуации, о приоритете той или иной составляющей синтетического произведения рок-музыки. Ответы на поставленные вопросы сконструированы на основании личного коммуникативного опыта и музыкального вкуса исследователя. Констатируется также отсутствие обратной связи между научным знанием, умножаемым исследовательским сообществом, и знанием, возникающим в практической

деятельности сообщества музыкантов, слушателей и посредников в распространении музыкальной информации. Предполагается, что в настоящий момент сообщество исследователей рок-музыки не заинтересовано в получении истинного знания о ней, будучи озабоченным производством условий сохранения существующего баланса научных школы и подходов.

Ключевые слова: рок-музыка, научное сообщество, символические практики, социальная философия, постсоветская наука

Для цитирования: Квятковский Г. Ю. Борьба за дефиниции рок-музыки в постсоветской науке и символические практики научного сообщества // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 4 (498). С. 115–124. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-115-124.

Original article

SYMBOLIC PRACTICES OF CONSTRUCTING THE OBJECT OF RESEARCH IN THE ACTIVITIES OF RESEARCH COMMUNITIES IN THE FIELD OF ROCK MUSIC STUDIES IN POST-SOVIET SCIENCE

Georgij J. Kwiatkowski

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, kwiatkowski_geor@mail.ru, 0000-0003-3542-5626

Abstract. The development of scientific knowledge in rock music studies can be considered as a process of continuous struggle between scientific communities, which try to construct the object of research and is expressed in the incessant attempts of representatives of the social sciences and humanities to take a position of communicative leadership in shaping the discourse on rock music. Scientific communities studying rock music have created and carefully reproduce ideas that replace the knowledge of rock music with language games, which include: postulates about the insurmountable complexity of the processes occurring in modern art, about the dominance of textual and ideological components in a synthetic piece of rock music, the hypothesis of the existential nature and ontogenoseological foundations of cognition. rock music, etc. Based on the identified language games, a problematic question is formulated about the leading scientific communities in rock music studies, their specific social practices and relations with other schools.

The leading approaches in the study of rock music have been formed by musicology, which describes the specifics of artistic and expressive means, sociology, which analyzes the specific effects of rock music on mass behavior, cultural studies, which examines the specific cultural space created by the community of rock music figures, philology, which focuses on the specific language of poetry. Historically, the musicological position was formed first, and the next three positions represent a kind of “cultural turns” in the dynamics of socio-humanitarian knowledge. The research materials are the texts of dissertations and scientific articles devoted to the study of rock music. The research method is a qualitative analysis of documents, during which the researcher’s attention is focused on the procedures used in it for constructing the research object and specific practices of applying general scientific and specific scientific methods to the study of rock music.

The article shows that the differences between these four approaches lie precisely in the field of social research practices, largely due to the communicative experience and scientific specialization of the researcher. Strict demarcation lines between the communities applying these approaches have not been found, which raises the question of the rigor of epistemological and logical procedures used in research activities, and also casts doubt on the quality of reflection on the ontogenoseological, existential and axiological foundations of rock music research.

The assumption about the provocative nature of rock music cognition is reinforced by the discovery of many missing elements necessary for rigorous scientific knowledge. Practically none of the studied materials presented a meaningful definition of rock music, and the process of definition itself was replaced by references to opposite phenomena, interpretations in a broad context, and intuitive definitions that did not contain indications of a set of essential features. As a result, the reviewed scientific communities do not put forward scientific theories in the strict sense of the word, limiting themselves to fixing individual patterns, but do not pretend to a systematic consideration of the object. The main line of quantitative multiplication of knowledge about rock music is the search for answers about the relationship between rock music and rock culture, about the autonomy of rock music in relation to the current socio-cultural situation, about the priority of one or another component of a synthetic work of rock music, the answers to these questions are constructed on the basis of personal communicative experience and musical the taste of the researcher. There is also a lack of feedback between scientific knowledge, multiplied by the research community, and knowledge arising in the practical activities of the community of musicians, listeners and intermediaries in the dissemination of musical information. It is assumed that at the moment the community of rock music researchers is not interested in obtaining true knowledge about it, being concerned about creating conditions for maintaining the existing balance of scientific schools and approaches.

Keywords: rock music, research community, symbolic practices, social philosophy, post-Soviet science

For citation: Kwiatkowski GJ. Symbolic Practices of Constructing the Object of Research in the Activities of Research Communities in the Field of Rock Music Studies in Post-Soviet Science. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(4(498):115-124. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-115-124.

Введение

Идея Т. Куна о научном сообществе как центральном вопросе динамики научного знания к концу XX в. способствовала переносу исследовательского интереса с механизмов научного творчества отдельного учёного на механизмы самоорганизации научного сообщества. Исследования М. Фуко, П. Бурдьё, Б. Латура, П. Фейерабенда, М. Полани и других показали, что научное сообщество является не столько продуктом отраслевого разделения труда, сколько продуктом разнообразных соглашений, достигнутых в ходе конкурентной борьбы научных школ, лабораторий, коллективов, отдельных учёных за монополию на доминирование во всех аспектах «производства научности» [3]. При этом достигнутые соглашения в любой момент могут быть пересмотрены в силу шаткости баланса между утилитарными интересами отдельного производителя научного знания (получить социально значимый результат и закрепить своё первенство в его обнаружении), требованиями базового протокола научного знания (стремление к истине, объективности, эссенциальности, универсальности и т. д.), этическими нормами науки и т. д. Поэтому акторы поля науки, с одной стороны, стремятся закрепить выгодные им консенсусы, с другой стороны — разрушить невыгодные и заменить их новыми.

Эти процессы наиболее рельефно проявляются в фазе становления новой проблематики научного знания. Пока научное сообщество определяет возможность рассмотрения новой проблемы как научной, вырабатывает методы сбора информации и её дальнейшего анализа, разрабатывает первые феноменологические теории, способствующие объяснению наблюдаемых фактов, в поле науки ведётся активная борьба за дефиниции изучаемого объекта. А. Т. Бикбов указывает, что всякое понятие представляет собой определённую социальную практику, то есть смысл понятия оказывается детерминирован социальными условиями его конструирования, а кроме того «понятия направляют практику» [2, с. 22], определяя категориальную матрицу исследования, порядок связей между категориями и способы оперирования ими. В этом плане символические практики конструируемого исследуемого объекта сле-

дует рассматривать как своего рода проявление «конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является право ... легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [3].

Вряд ли подлежит сомнению и то обстоятельство, что борьба научных школ на уровне конструирования объекта исследования в наиболее активной форме происходит в фазе разметки поля научного исследования. Одним из полей научного исследования, где эта фаза продолжается в течение уже почти 40 лет, является поле изучения рок-музыки. Она привлекла пристальное внимание научного сообщества в конце 1960-х гг., когда оказалось, что существующих теорий, позволяющих дать объяснение происходящим в рок-музыке процессам, недостаточно для её полного охвата и для сколь-нибудь удовлетворительного хотя бы краткосрочного прогноза её дальнейшего состояния. Эстетические и музыковедческие теории оказались не в состоянии объяснить степень влиятельности рок-музыки на социальные и политические процессы. Социологические теории не смогли дать удовлетворительного объяснения конкретным взлётам и падениям интереса аудитории к року. Попытки философского анализа идеологии, лежащей в основании рок-музыки, экзистенциальных оснований рок-музыки, смогли охватить лишь локальную проблематику, что затрудняет придание понятию «рок-музыка» статуса философской категории и даже её соотнесение с категориями философии. Зачастую в исследованиях рок-музыки в западной науке имело место смешение значений понятий «рок-музыка» и «поп-музыка», различие между которыми объяснялось со стороны функциональной, а не бытийной, и это автоматически направляло исследование на конкретно-социологический уровень. В целом для современного этапа научного знания о рок-музыке характерно преобладание культурологического подхода, фиксирующего внимание на уникальных характеристиках рок-музыки и порождаемых ей феноменов, преобладание научных текстов в жанре эссе, прекращение серьёзных научных дискуссий о бытии рок-музыки и перенос внимания на исследование её мобилизационных возможностей, манифестацию глубинных социальных проблем, политические

ориентации современных музыкантов, роль в формировании новых жанров музыкального искусства и т. д.

Иная ситуация складывается с исследованиями рок-музыки в СССР и постсоветской России. Являясь одним из воплощений нигилистического отношения к музыкальной традиции и нормативам социальной жизни в СССР, рок-музыка с момента своего появления становится объектом партийного контроля, и это автоматически делало невозможным проведение независимого научного исследования действительных проблем бытия и функционирования рок-музыки в советском обществе. Приблизительно до 1987 г. рок-музыка является достоянием преимущественно журналистики, которая в отсутствие серьёзных исследовательских работ самостоятельно конструирует язык описания рок-музыки, способы её проблематизации, устанавливает собственные критерии истинности и даже вырабатывает своеобразные дефиниции рок-музыки — но исключительно в пределах исследовательских возможностей журналистики. С 1987 г. рок-музыка становится одним из средств политики гласности — критическое отношение советских рок-музыкантов к актуальной социально-политической действительности воспринимается как «бичевание недостатков», подлежащих исправлению и корректировке, а затем как проект новой плюралистической идеологии. С распадом СССР в 1991 г. попытки сконструировать новую идеологию с использованием средств и возможностей рок-музыки прекращаются, возникает её собственный контекст и у исследователей появляется возможность рассматривать рок-музыку как автономный музыкальный либо социокультурный феномен.

Научные исследования рок-музыки в СССР начинаются в конце 1980-х гг., когда выходит несколько серьёзных статей в научных журналах [7; 8], брошюр общества «Знание» [14], книг, защищаются диссертации [12], периодические издания («Ровесник», «Мелодия», «В мире книг», «Музыкальный Олимп») начинают публикацию первых рок-энциклопедий на русском языке (сперва переводных, затем авторских, включающих уже сведения о рок-музыке в СССР), дискуссии о рок-музыке проводятся в периодических изданиях и на телевидении. С этого времени для исследовательского сообщества, изучающего рок-музыку, характерна непрекращающаяся борьба подходов, обусловленная сложностью структуры произведения рок-музыки, неоднозначностью её социальной роли, экзистенциальным характером самои-

дентификации с рок-средой, стремлением сохранить критическую установку в отношении культуры в новых условиях и т. д. Эта борьба не прекращается и по настоящий момент, и в значительной степени представляется, что её источником является конкурентная борьба научных школ, для которых характерны не столько различные методологические подходы, сколько различные социальные практики производства научного знания. Это означает, что каждая отдельная научная школа, изучающая рок-музыку, не столько апеллирует к собственному кругу идей, сколько рассматривает одни и те же социальные факты сквозь призму отраслевых научных теорий и различным образом интерпретирует их.

Закрепление конкретных социальных практик в деятельности исследовательского сообщества происходит посредством механизма их нормализации. Предполагается, что каждая научная школа даёт собственное определение изучаемому объекту, претендуя таким образом на «схватывание» определённой совокупности его существенных эмпирических свойств и своеобразии их соединения во времени и в пространстве. Каждая конкретная дефиниция закрепляет определённый набор символических практик исследования рок-музыки, специфических именно для этой школы. Каждое конкретное сообщество исследователей рок-музыки претендует на разработку доминантного дискурса о ней и в определённом смысле на монополизацию высказываний о рок-музыке и снижение влияния прочих школ. В этом ключе борьба научных школ и конкуренция дискурсов описывается в работах по философии и социологии науки, имплицитно полагая в качестве оснований поля науки его дисциплинарную организацию, приоритет эпистемологических принципов в организации научных сообществ, свободный выбор принадлежности к конкретной школе с последующим соблюдением её базовых принципов. И мы полагаем, что сообщество исследователей рок-музыки не должно представлять собой исключения.

Из вышесказанного вытекает исследовательский вопрос: какие научные школы и специфические для них социальные практики исследований рок-музыки существуют в постсоветской науке и какие отношения складываются между ними?

Материалы и методы исследования

По своим эпистемологическим характеристикам исследования рок-музыки попадают в поле практического научного знания, которое на-

ходится на стыке собственно научного знания и специализированного научного познания [11]. Следовательно, конструирование рок-музыки как объекта научного исследования производится на двух уровнях. На первом уровне формируется практическое знание о рок-музыке, производителями и трансляторами которого являются непосредственные участники музыкально-творческого и музыкально-коммуникативного процесса, то есть музыканты, слушатели и многочисленные посредники, организующие пространство взаимодействия музыкантов и слушателей, а также способствующие объективации музыкального продукта (звукоинженеры, продюсеры, теле- и радиоведущие, сотрудники рекламной индустрии и т. д.). На этом уровне понимание рок-музыки задаёт цели и смыслы деятельности, а производимое на его основании знание имеет характер объясняющей феноменологической теории, подводящей основания под некоторую группу наблюдаемых фактов, отобранных на основании личного опыта включения в музыкальную деятельность.

На втором уровне формируется теоретическое знание о рок-музыке, и его производителями и трансляторами становятся исследователи, ассоциированные с конкретными отраслями научного знания. Учитывая специфику исторического развития рок-музыки в СССР и постсоветской России, понятия «теоретическое знание о рок-музыке» и «исследователи» следует понимать в двух смыслах: в узком смысле оба понятия наделяются теми же значениями, в котором они используются в поле науки, то есть теоретическое знание о музыке — это знание, полученное путём использования форм абстрактного познания, оперирования понятиями, суждениями и умозаключениями, выраженное в форме проблем, гипотез и теорий, а понятие «исследователь» оказывается тождественным понятию «учёный», субъект производства и трансляции знания в соответствии с требованиями базового протокола науки. В широком смысле теоретическое знание о рок-музыке представляет собой объяснительную схему, в которой отдельные эмпирические факты связываются между собой во времени и в пространстве, а исследователем рок-музыки считается любой человек, умножающий подобное «теоретически нагруженное» знание о ней. В этом смысле мы вынужденно зачисляем в число исследователей представителей журналистского сообщества, заложивших основы всех подходов к исследованию рок-музыки и создавших определённую тради-

цию нарушения протокола научного знания в исследовательской работе, и именно по этой причине применительно к сообществу исследователей рок-музыки мы применяем понятие «исследовательское сообщество», а не «научное сообщество».

Чаще всего даже в научных работах о рок-музыке оба понятия используются в широком значении, поскольку, как уже говорилось выше, значительный массив знаний о рок-музыке был произведён не учёными, а представителями журналистского сообщества, а также самими рок-музыкантами. Современные научные исследования в значительной степени опираются на сформированные ими феноменологические теории и оперируют сконструированными ими фактами — зачастую при проверке оказывающимися мифологемами. В силу этого обстоятельства в данной статье мы не производим разделения массивов «научных» и «вненаучных» данных о рок-музыке, сосуществующих в пределах одного подхода, хотя в дальнейшем безусловно эта работа должна быть проделана.

В настоящее время в отечественной науке о рок-музыке существует четыре подхода к пониманию её сущности. Рок-музыка рассматривается с позиций музыковедения, исходя из специфики художественно-выразительных средств, с позиции социологической, рассматривающей её как действенную силу социальных изменений, культурологической, включающей рок-музыку в ряд феноменов, генерирующих собственное культурное пространство, и филологической, для которой представляет интерес в первую очередь язык рок-поэзии, специфическим образом фиксирующий авторские воображаемые вселенные. Исторически первой сформировалась позиция музыкально-аналитическая, а следующие три позиции представляют собой своего рода «повороты» в динамике социально-гуманитарного знания — достижения предшествующих школ не оспариваются и не опровергаются, но им даётся иная интерпретация.

Материалами исследования являются тексты диссертационных работ и научных статей, посвящённых исследованию рок-музыки. Методом исследования является качественный анализ документов, в ходе применения которого внимание исследователя сосредоточено на использованных в нём процедурах конструирования объекта исследования и специфических практиках применения общенаучных и специфических научных методов к изучению рок-музыки.

Результаты исследования и их обсуждение

Музыковедческий подход исходит из понимания рок-музыки как специфического музыкально-стилевого феномена, то есть из общности используемых в рок-музыке художественно-выразительных средств и авторской художественной картины мира. Его предпосылки сформировались в 1970-е гг. (вероятно, вскоре после появления в СССР специальности «Музыкальное искусство эстрады»), должной повысить уровень профессионального исполнения массовой музыки) в среде профессиональных музыкантов, фактически имея своей целью девальвацию собственной ценности рок-музыки — «в стилистике рока» может быть сыграна любая композиция независимо от её содержания, и с этой позиции содержательная сторона рок-музыки представляется ничтожной. Большинство представителей данного подхода имеют высшее музыкальное образование и аффилированы с институтами и университетами искусства и консерваториями. Важной вехой в разработке этого подхода стало формирование теории «третьего пласта» В. Д. Конен, благодаря которой рок-музыка заняла промежуточное место в ряду прочих феноменов массовой музыки между пластами академической и народной музыки [9]. Этот подход позволяет анализировать специфику музыкальных жанров, используемых в рок-музыке (например, трансформацию баллады в рок-балладу), но в целом его эвристические возможности ограничены именно признанием несамостоятельности феномена рок-музыки. И закономерной сложностью этого подхода является отмеченное В. Н. Сыровым несовершенство терминологического аппарата [15], поскольку разработка собственных терминов и логических процедур предполагает реальность изучаемого объекта или наличие позитивного определения. Общности политических позиций у представителей данного подхода выявить не удалось, вероятно, в силу стремления профессионального музыкального сообщества, насколько это возможно, дистанцироваться от политической сферы.

Социологический подход в отечественных исследованиях рок-музыки исходит из двоякого её понимания: как действенной силы социальных преобразований и как механизма неформальной (альтернативной) социализации молодого поколения. Для представителей этого подхода рок-музыка определяется как жанр, общность образной структуры мира, задающей общность форм и содержания художественных произведений, то есть

этот подход, во-первых, признаёт собственное содержание рок-музыки, а во-вторых, указывает на синтетическую природу музыкального произведения, интегрирующего в себе словесный, музыкальный, визуальный, идейный и т. д. компоненты. Именно за счёт синтетической природы произведение рок-музыки способно производить социальные эффекты, как на это указывает А. Чечева: «сплав рок-музыки и слова создаёт определённый образный язык, в соответствии с которым у молодых людей формируются важные основы мировоззрения, определяющие в конечном итоге их отношение к обществу, общественным нормам и традиционным для общества ценностям, вырабатываются определённые эталоны и стили поведения» [16]. Представители данного подхода преимущественно являются социологами и педагогами, аффилированными как с образовательными учреждениями высшего и среднего образования, так и с исследовательскими организациями, проводящими конкретные социологические исследования. В рамках этого подхода рок-музыка рассматривается как социально обусловленная. И по мере падения остроты вызвавших её к жизни социальных противоречий и падения популярности альтернативных способов социализации молодёжи исследовательский интерес социологов переключается на более заметные индикаторы социальных процессов. Активизация сторонников данного подхода наблюдается в случае возникновения новых политических контекстов существования рок-музыки, например, в случае обсуждения политических симпатий того или иного музыканта [13].

Культурологический подход к рок-музыке в качестве ведущего её свойства определяет способность генерировать специфическое культурное пространство, в пределах которого возникает общность смыслов и целей действующих субъектов, по сути — способность генерировать своего рода культуру. Этот поворот был инспирирован введением в широкий обиход понятий «субкультура» и «контркультура», описывающих модусы культуры, отличные по своим проявлениям от культурного мейнстрима, но в то же время проявляющих себя сходным образом. Как правило, проблематика субкультур и контркультур помещается в контекст проблемы социализации молодого поколения, и в обоих случаях рок-музыка рассматривается как их конституирующий элемент — в первом случае, как своего рода механизм самопрезентации, во втором случае — как фокус критического (либо ниги-

листического) по отношению к доминирующему в культуре мировоззрению. Представители данного подхода имеют широкие академические интересы и не могут быть соотнесены с конкретной отраслью научного знания, ассоциированы преимущественно с образовательными и научно-исследовательскими организациями сферы культуры.

Специфической особенностью данного подхода является ярко выраженный интерпретативный характер знания. В центре внимания исследователей находятся категории «культурный мейнстрим», «субкультура», «контркультура», и доминирующая часть их усилий посвящена обоснованию статуса рок-музыки как культурного феномена, факта производства ею нового системного качества, именуемого «рок-культурой» [6] и перевода «рок-культуры» в ранг «объемлющего» (К. Ясперс), фактическая демонстрация рок-культуры как симуляции окружающего мира. Основной проблемой данного подхода является нечёткость дефиниций понятий «субкультура», «контркультура», «культурный мейнстрим», «массовая культура», «популярная культура» и так далее, что периодически приводит к смешению принципиально различных по своей сути методологий исследования.

Лингвистический подход к исследованию рок-музыки является одним из уникальных достижений отечественной науки, поскольку крайне редко в каких-либо других культурах уделяется настолько же большое внимание слову, транслируемому при помощи музыки. Возможно, в силу литературоцентричности российской культуры, возможно, в силу действительно высокого качества некоторых текстов рок-произведений, возможно, в силу особенностей бытования рок-музыки в СССР особую популярность в нашей стране приобрели исполнители рок-музыки на русском языке, исполняющие собственные авторские тексты, для которых текст является не просто одной из составляющих синтетического рок-произведения, но все прочие составляющие рассматриваются как подчинённые тексту и работающие на усиление его воздействия на аудиторию. Справедливости ради следует отметить, что русская рок-поэзия вряд ли является уникальной в мировом масштабе, она вполне сопоставима с направлениями *boerenrock* и *dialectrockband* в Нидерландах, французским шансоном, турбо-фолком в Северной Македонии, немецким шлягером и прочими, для которых ха-

рактерно доминирование текста над музыкой. Представители этого подхода являются учёными, специализирующимися в филологических науках и ассоциированными с учреждениями высшего образования. Именно это исследовательское сообщество в наибольшей степени институционализировано: усилиями Ю. В. Доманского с 1998 г. ежегодно на базе Тверского государственного университета и Уральского государственного педагогического университета проводится научно-практическая конференция «Русская рок-поэзия: текст и контекст», объединяющая представителей данного подхода. В целях поддержания функционирования данного подхода исследователи расширяют инструментарий исследования, практикуя исследование фонограмм, а не только сборников текстов [10, с. 19], но при этом они не выходят за границы собственно филологических методов. Упомянутое выше падение популярности рок-музыки и появление новых массовых жанров позволили его представителям сделать вывод о том, что «новейшая отечественная (и не только) культурная ситуация во многом определяется явлениями, проблематизирующими границу между устным и письменным словом гораздо более очевидно и в то же время изощённо, нежели рок-культура... В этой ситуации рок-поэзия предстаёт скорее завершённым мифом, ... нежели живым процессуальным явлением» [4, с. 280]. Это в очередной раз показывает, что в центре внимания данного подхода находится не рок-музыка со своей драматической историей, но жанры прикладной литературы, и интерес к рок-музыке со стороны исследователей в рамках данного подхода проявляется до тех пор, пока не появятся новые, более популярные направления.

Итак, нами было выделено четыре подхода, различия между которыми пролегают именно в области социальных практик исследования, в значительной степени обусловленных социальным опытом и научной специализацией исследователя. При этом, как было отмечено выше, строгих демаркационных линии между сообществами, применяющими данные подходы, не обнаружено, что ставит под сомнение вывод о существовании четырёх исследовательских сообществ и строгости используемых в исследовательской деятельности эпистемологических и логических процедур, а также заставляет усомниться в качестве рефлексии онтогносеологических, экзистенциальных и аксиологических оснований исследований рок-музыки.

Выводы

Поставив перед собой цель проследить борьбу научных школ в постсоветской науке о рок-музыке, мы вынуждены констатировать невозможность полного воплощения первоначального замысла. Практически ни в одном исследованном материале не было представлено содержательной дефиниции рок-музыки, а сам процесс дефиниции подменялся указаниями на противоположные феномены, интерпретации в широком контексте и интуитивными определениями, не содержащими указания на набор существенных признаков (к примеру, в ряде статей указывается, что понятие «рок» оказывается гораздо шире границ музыкального направления, что рок является средством коммуникации и самовыражения молодого поколения (единственным ли?), бунтом и протестом (весь ли рок в полном объёме?), манифестацией отрицания существующих ценностей (здесь наблюдается противоречие с зафиксированным в последние десятилетия ростом консервативных настроений в роке), призывом к ревизии культурных ценностей (что характерно для любого направления искусства модерна и в определённой степени постмодерна)). Как следствие, все рассмотренные нами сообщества не выдвигают научных теорий в строгом смысле этого слова, ограничиваясь фиксацией отдельных закономерностей, не претендующих на системное рассмотрение объекта.

Выделенные нами подходы имеют характер культурных поворотов, «смен фокусов исследовательского внимания» [1], как их определяет Д. Бахманн-Медик, позволяющих интерпретировать изучаемый объект как сложную систему, подлежащую изучению при помощи методов междисциплинарного исследования и требующую разработки собственного словаря для её описания. Это означает, что любой из этих подходов может включать в себя элементы другого подхода: так, на основании исследования текста рок-произведения как синтетического текста автор может сделать вывод относительно культурного статуса рок-музыки в целом либо на материале анализа рок-музыки как явления контркультуры описать характеристики музыкальной формы, позволяющие реализовать потенциал конкретной контркультуры. Нам представляется, что умножение научного знания о рок-музыке в логике культурных поворотов является созна-

тельным выбором сообщества исследователей, высказавших предпочтение расширению поля науки о рок-музыке и умножению количества собранной информации качественной проработке теорий и фиксации устойчивых объективных закономерностей.

Фактически борьба исследовательских сообществ в постсоветской науке о рок-музыке подменяется переопределением статуса рок-музыки в музыкальной культуре и сводится к трём вопросам: 1) является ли приоритетным объектом анализа рок-музыка или создаваемая ей рок-культура?; 2) создаваемая рок-музыкой культура имеет статус автономного культурного феномена либо выступает в роли субкультуры или контркультуры по отношению к доминирующей культуре?; 3) какой из компонентов синтетического текста рок-произведения — музыка, текст, визуальные образы и т. д. — доминирует над другими компонентами и является приоритетным направлением изучения? Ответ на каждый из этих вопросов определяется личными симпатиями автора и выбором конкретных объектов анализа. При этом зачастую эти ответы парадоксальны: «то, что рок заимствует многое из столь разных типов культуры, позволяет заявить: рок-культура, одновременно относясь и к культуре массовой, и к культуре элитарной, выступает в функции культурного направления, потенциально способного удовлетворить эстетические запросы самых разных категорий реципиентов. В этом видится основная специфика бытования рок-культуры на русской почве» [5, с. 225].

Наконец, следует констатировать отсутствие обратной связи между научным знанием, умножаемым исследовательским сообществом, и знанием, возникающим в практической деятельности сообщества музыкантов, слушателей и посредников в распространении музыкальной информации. Наличие подобной связи, на наш взгляд, обеспечивает, с одной стороны, зрелость отрасли научного знания, перешедшей от расширения области эмпирического к углублению области теоретического, а также добивающейся практической реализации выводов и рекомендаций. В настоящий момент сообщество исследователей рок-музыки в большей степени озабочено проблемой сохранения за рок-музыкой статуса сложного социокультурного феномена, чем собственно получением истинного знания о ней.

Список источников

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
2. Бикбов А. Т. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 432 с.
3. Бурдьё П. Поле науки // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki> (дата обращения: 26.11.2023 г.).
4. Давыдов Д. М. Рок-поэзия vs. рок-культура vs. наука о роке: некоторые выводы о структурном статусе феномена // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь ; Екатеринбург : ТвГУ; УрГПУ, 2008. Вып. 10. С. 275–280.
5. Доманский Ю. В. Вместо заключения. О культурном статусе русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. Тверь : Издательство Тверского государственного университета, 1999. С. 215–225.
6. Дюкин С. Г. Рок-музыка и рок-культура: к вопросу о дефинициях понятий // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41-1. С. 26–32.
7. Илле М. Е., Сакмаров О. А. Рок-музыка: таланты и поклонники // Социологические исследования. 1989. № 5. С. 64–69.
8. Кнабе Г. С. Феномен рока и контркультура // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 39–61.
9. Конен В. Д. Третий пласт: Новые массовые жанры в музыке XX века. М. : Музыка, 1994. 160 с.
10. Константинова С. Л., Константинов А. В. Дырка от бублика как предмет «Русской рокологии» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь : Тверской государственный университет, 1999. Вып. 2. С. 13–20.
11. Мартишина Н. И. Феномен и типология околонучного знания // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2013. № 29. С. 19–28.
12. Набок И. Л. Рок-культура как эстетический феномен : дис. ... д-ра филос. наук. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1993. 423 с.
13. Никитина Е. Э. «Революции портят репутации»: влияние политики на репутации рок-музыкантов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 19. Екатеринбург : Изд-во УрГППУ, 2019. С. 133–140.
14. Саркитов Н. Д. Рок-музыка: сущность, история, проблемы: краткий очерк социальной истории отечественной рок-музыки. М. : Знание, 1989. 63 с.
15. Сыров В. Н. Понятийно-терминологические аспекты рока // Художественная культура. 2019. № 2. С. 146–159. DOI: 10.24411/2226-0072-2019-00018.
16. Чечева А. В. Место и роль рок-музыки в неформальных молодёжных субкультурах // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия. 2009. № 6а. С. 268–272.

References

1. Baxmann-Medik D. Kul'turny'e povoroty'. Novy'e orientiry' v nauках o kul'ture. Moscow; 2017. 504 p. (In Russ.).
2. Bikbov AT. Grammatika poryadka. Istoricheskaya sociologiya ponyatij, kotory'e menyayut nashu real'nost'. Moscow; 2016. 432 p. (In Russ.).
3. Burd'e P. Pole nauki. In: Sociologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e. Available from: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki> (accessed: 26.11.2023 g.). (In Russ.).
4. Davy`dov DM. Rok-poe`ziya vs. rok-kul`tura vs. nauka o roke: nekotory`e vy`vody` o strukturnom statuse fenomena. In: Russkaya rok-poe`ziya: tekst i kontekst. Tver'; Yekaterinburg; 2008. Iss. 10. S. 275–280. (In Russ.).
5. Domanskij YuV. Vmesto zaklyucheniya. O kul'turnom statuse russkogo roka. In: Russkaya rok-poe`ziya: tekst i kontekst. Vy`p. 3. Tver'; 1999. Pp. 215–225. (In Russ.).
6. Dyukin SG. Rok-muzy`ka i rok-kul`tura: k voprosu o definiciyax ponyatij. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury` i iskusstv. 2017;(41-1):26-32. (In Russ.).
7. Ille ME, Sakmarov OA. Rok-muzy`ka: talanty` i poklonniki. Sociologicheskije issledovaniya. 1989;(5):64-69. (In Russ.).
8. Knabe GS. Fenomen roka i kontrkul`tura. Voprosy` filosofii. 1990;(8):39-61. (In Russ.).

9. Konen VD. Tretij plast: Novy'e massovy'e zhanry' v muzy'ke XX veka. Moscow; 1994. 160 [p. (In Russ.).
10. Konstantinova SL, Konstantinov AV. Dy'rka ot publika kak predmet "Russkoj rokologii". In: Russkaya rok-poe'ziya: tekst i kontekst. Tver': Tverskoj gosudarstvenny'j universitet, 1999. Vy'p. 2. Pp. 13–20. (In Russ.).
11. Martishina NI. Fenomen i tipologiya okolonauchnogo znaniya. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshheniya*. 2013;(29):19-28. (In Russ.).
12. Nabok IL. Rok-kul'tura kak e'sticheskiy fenomen. Thesis. Moscow; 1993. 423 p. (In Russ.).
13. Nikitina EE. "Revolyucii portyat reputacii": vliyanie politiki na reputacii rok-muzy'kantov. In: Russkaya rok-poe'ziya: tekst i kontekst. Vy'p. 19. Yekaterinburg; 2019. Pp. 133–140. (In Russ.).
14. Sarkitov ND. Rok-muzy'ka: sushhnost', istoriya, problemy': Kratkij ocherk social'noj istorii otechestvennoj rok-muzy'ki. Moscow; 1989. 63 p. (In Russ.).
15. Sy'rov VN. Ponyatijno-terminologicheskie aspekty' roka. *Khudozhestvennaya kul'tura*. 2019;(2):146-159. (In Russ.).
16. Checheva AV. Mesto i rol' rok-muzy'ki v neformal'ny'x molodyozhny'x subkul'turax. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*. 2009;(6a):268-272. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. Ю. Квятковский — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии.

Information about the author

G. J. Kwiatkowski — Candidate Sci. (Sociology), Associated Professor, Associated Professor of the Department of philosophy.

Статья поступила в редакцию 26.01.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 04.04.2025.

The article was submitted 26.01.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 04.04.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.